

Дискуссии и обсуждения

© 2010 г. В. А. КУЧКИН*

БЫЛ ЛИ РУССКИЙ СЕВЕР ВАРЯГИЕЙ В ПРАИНДООЕВРОПЕЙСКОЕ ВРЕМЯ?

Проблема, решением которой пожелала заняться Л. Грот (Швеция, г. Лулео), сводится к выяснению того, кто были первые насельники Русского Севера. В ее формулировке проблема звучит так: обоснование «дославянского периода в русской истории, сложившегося в лоне архаичных индоевропейцев Восточной Европы и не ставшего объектом внимания исторической науки» (с. 171)**. Почему временной отрезок («период») должен «складываться» в некоей этнической среде, в статье Грот не разъясняется, дело, видимо, в особом понимании слова «период». Зато научный замысел статьи грандиозен и гипердостаточен для того, чтобы попытаться его воплотить. Провозглашается, что русская история началась еще в дославянские времена «в лоне архаичных индоевропейцев». Об этих «архаичных индоевропейцах» можно будет поговорить ниже, а пока что следует отметить то обстоятельство, что в рассматриваемой работе Грот не определяется, о каких «русских» ведется речь. Если имеются в виду современные русские, то широко известно, что они принадлежат к славянам, составляя самый большой славянский народ. Свое наименование русские получили после распада общеславянского единства, когда это единство раздробилось на различные славянские племена. Однако о его первоначальном существовании свидетельствует совпадающая часть словарного состава современных славянских языков и их близкий грамматический строй. Что касается появления Руси и русских, то оно прямо зафиксировано средневековыми историческими источниками. Так, составитель Повести временных лет, написанной в Киеве во втором десятилетии XII в., отмечал: «Поляне, яже нынѣ зовомая Русь»¹, подчеркивая, что поляне, отнесенные им самим к славянам («Полянном же живущем особѣ, яко же рекохомъ, суще от рода Словѣньска»²), стали называться Русью, русскими позже существования «рода Словѣньска», к которому они принадлежали. В свете приведенных данных утверждения начальной части статьи «Праиндоевропейские корни населения на севере России» являются нелепыми и серьезно относиться к ним не имеет смысла.

Однако существует точка зрения, согласно которой названия Русь, русские первоначально носили не славяне. В частности, в финском языке сохранилось близкое к «Русь» слово Ruotsi, которым финны называют шведов³. Некоторые исследователи считают, что это название шведов было перенесено на восточных славян, когда в местах обитания последних в IX–XI вв. н.э. появились выходцы из Скандинавии, распространившие свою власть на славян. Данное объяснение встречает определенные возражения, но, принимая его, процитированные высказывания Л. Грот приобретают некоторый смысл, поскольку Русь-скандинавы появляются раньше, чем Русь-славяне. Однако и при этом, втором, понимании происхождения названия Русь нельзя говорить о том, что Русь-скандинавы существовали еще в дославянскую эпоху. Славяне сформировались раньше. Они выделились из части древних европейцев вместе с балтами и германцами. Исследователи относят такое обособление к середине I тыс. до н.э.⁴ Появление же Руси засвидетельствовано гораздо позже, источниками последней четверти I тысячелетия н.э.

* Кучкин Владимир Андреевич, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института российской истории РАН.

** Здесь и далее ссылки на статью Л.П. Грот («Праиндоевропейские корни населения на севере России» // Российская история. 2010. № 3) приводятся в тексте.

Вернемся к утверждению, согласно которому «русская история» складывалась «в лоне архаичных индоевропейцев Восточной Европы». По современным данным, индоевропейцы появились в V тысячелетии до н.э. на территориях, прилегающих к Черному морю или близко от него расположенных. Что разумеется под определением «архаичные» индоевропейцы, в статье Л. Грот не раскрывается. Там же говорится о «связи летописных варягов с праиндоевропейским населением Севера России». Хотя своего понимания употребленного ею термина «праиндоевропейское население» Грот не дает и в данном случае, а потому неясно, идет ли речь о предках индоевропейцев, но тогда по каким признакам их можно отличить от других жителей земли, или речь идет о людях, говоривших не на индоевропейском языке, а на еще более древнем, общем, например, с языками уральской языковой семьи, одно из сказанного Грот делается очевидным: «праиндоевропейцы» существовали до индоевропейцев, т.е. до V тысячелетия до н.э. Но когда начал заселяться Русский Север? Грот совершенно не согласна с выводами современной науки о заселении севера и центральных областей Восточной Европы племенами не индоевропейской, а уральской языковой семьи в конце IV – начале III тысячелетий до н.э. (с. 175), противопоставляя этим выводам свое представление о существовании на Русском Севере «праиндоевропейцев», живших, исходя из ее высказываний, за 2 000 лет до «уральцев». Если согласиться со всем этим, то «праиндоевропейцы» должны были оставить после себя какие-то материальные остатки, свидетельствующие об их пребывании в данном регионе. Однако Л. Грот ни к каким археологическим и антропометрическим данным не прибегает, как и к современным исследованиям, использующим характеристики ДНК человека для определения места и времени расселения тех или иных этнических групп. Она только указывает ареал Русского Севера: современные Мурманская, Архангельская области и север Вологодской обл. Российской Федерации (с. 178). Географы же и историки относят к Русскому Северу помимо Мурманской и Архангельской областей всю Вологодскую обл., северные части Костромской и Кировской областей, республики Карелию и Коми, Ненецкий автономный округ. Изложив свой замысел, Грот тут же подчеркнула его новизну, попутно упрекнув прошлых и настоящих исследователей: ее замысел еще не стал «объектом внимания исторической науки». Думается, никогда и не станет. Наука не может и не должна решать задачи, сформулированные расплывчато, внутренне противоречиво и не принимая во внимание всего известного фактического материала.

Тем не менее некоторые данные в пользу своей «авторской рабочей гипотезы» Грот вынуждена привести. Она отталкивается от упоминаний варягов и Варяжского моря в цитировавшейся выше древнерусской Повести временных лет. Там сообщается, что «Ляхове же и Пруси, Чюдь пресѣдять к морю Варяжскому, по сему же морю сѣдять Варязи сѣмо ко вѣстоку до предѣла Симова, по т[о]му же морю сѣдять къ западу до землѣ Агнянски и до Волошьски»⁵. «Имя варягов, – пишет Л. Грот, – как в русском летописании, так и в иностранных источниках выступает и в значении этнонима (варяги как потомки Иафета), и входит частью в топонимы (Варяжское море)» (с. 171). Хотя такую формулировку можно было бы и уточнить (варягами в Повести временных лет называлась определенная этническая общность, как можно судить по только что приведенной цитате из этого памятника, а не отдаленные якобы родственники мифического Иафета, название же Варяжское море правильное считать гидронимом, а не топонимом), автор из Швеции права в том, что название моря происходит от названия этноса. Грот подтверждает это и цитатой из другого источника – сочинения «Обучение началам астрономической науки», написанного в 1029 г. хорезмийцем аль-Бируни: «море варанков, а это народ на его берегу».

Однако в дальнейшем в статье о праиндоевропейских корнях населения Русского Севера начинает утверждаться совершенно противоположное: не название моря зависит от названия этноса, а название этноса зависит от названия моря. В лексеме *Варяжское*, по мнению Грот, корнем является *вар-*. Такое слово в индоевропейском языке, как сообщила Грот ее знакомая, правда, без какого-либо обстоятельного разъяснения, означало «вода». А раз под *варом* еще в отдаленные времена формирования индоевро-

пейской общности понималась водная стихия, в силу этого *вар-* «и входит как основа в наиболее архаичные гидронимы, такие, например, как Варяжское море» (с. 174). Последнее утверждение вызывает недоумение. Получается, что самое древнее название Балтийского моря зафиксировано древнерусским памятником 10-х гг. XII в. Это тем более удивительно, что Древнерусское государство и образовавшиеся после его распада княжества и земли не примыкали к Балтике, а Повесть временных лет писалась в далеком от морских пучин Киеве. А вот как называли Балтийское море жившие в том же XII в. другие европейские народы, в частности, населявшие его берега датчане, немцы, поляки, поморские славяне, пруссы, чудь, шведы, Грот не устанавливает, как не выясняет она и названий Балтийского моря во времена до XII в. Между тем в 98 г. н.э., за 1015 лет до появления Повести временных лет, римский историк Корнелий Тацит называл Балтийское море Свебским по имени жившего к югу от этого моря большого германского племени свебов⁶. Как же могло случиться, что через 1 000 с лишним лет Балтийское море вдруг приобрело свое «наиболее» архаичное, древнейшее название, которого раньше у него не было? Объяснение в работе Л. Грот отсутствует.

Не может быть приемлема и методика, на основе которой Грот устанавливает необходимые для воплощения ее замысла факты. Когда она пишет, что в слове «Варяжское» корнем является *вар-*, то формально она права. Это действительно так. Однако для определения того, как образовалось данное слово, какой имеет смысл, недостаточно установления, что означает корень *вар-* (согласно Грот и ее знакомой – «вода», «водная стихия»). А что же тогда такое оставшееся буквосочетание *яжское* (*Варяжское*)? В статье Л. Грот ответа на этот вопрос найти не удастся. Видимо, автор уверена, что выделение корня в слове сразу указывает на происхождение такого слова. Но в распоряжении Грот была книга о названиях рек Верхнего Поднепровья⁷. При более тщательном ознакомлении с нею можно было бы убедиться в том, что современная лингвистика при выяснении происхождения названий водных объектов и в итоге этнического определения насельников тех или иных территорий исходит из анализа всего слова, не только корневых основ, но и из анализа суффиксов и префиксов. Расшифровка древних географических названий по их корням (именно к такому исследовательскому приему прибегает Грот в своей статье), практиковавшаяся еще в античные времена и в средневековье, давала сбои. Например, в XVII в. название Москвы выводили от упоминаемого в Библии Мосоха⁸ (*Мос-* в одном слове и *Мос-* в другом слове совпадали), но это столь же верно, как в настоящее время утверждать, что наименование Москва произошло от МОСХа. Что касается названия *Варяжское море*, то первое слово этого названия произошло от основы не *вар-*, а *варяг*. Последнее же имеет корень *вар*, но этот корень происходит не от страшно древнего, существовавшего за много тысячелетий до н.э. и к XII в. н.э. прочно забытого в Европе индоевропейского слова *вар* – «вода», как пишет Грот, а от древнескандинавского *var* – «обет, порука, клятва», что принято самыми авторитетными учеными.

Правда, Л. Грот данное объяснение совершенно не устраивает. Большой раздел ее статьи посвящен разоблачению лингвистов и историков, которые корень слова *варяг* возводили сначала к древнескандинавскому *vargur* – «волк», а позднее к *var* – «клятва», и в том, и в другом случае разумея под еловом *варяг* военного человека, свирепо нападавшего, словно волк, на своих врагов или же действовавшего в составе отряда, члены которого скрепляли свои отношения военной клятвой верности. Шеломленным читателям Грот сообщает, что существуют две «концепции» этимологии слова *варяг*: «норманистская» и разработанная историком А.Г. Кузьминым. «В норманизме слово *варяг*, – пишет Грот, – рассматривается изначально не как этноним. *Варяги* – это группы военных наемников, т.е. их генезис профессионально-отраслевой. Эта позиция восходит к Г.-З. Байеру, который стремясь доказать шведское происхождение варягов, утверждал, что “Скандия от некоторых называется Вергион и что оно значит остров волков... что в древнем языке не всегда значит волка, но разбойника и неприятеля... Скандинавцы бо почти в беспрестанном морском разбое упражнялись, отчего варгами и отчество их Варгион, или Варгем, могло называться”» (с. 171–172). Назвав объяс-

нения Г-3. Байера «бесмыслицей», Грот заявила, что эта бессмыслица заимствована из сочинений шведского автора Улофа Рюдбека. Рюдбек был известным шведским ботаником и медиком, который интересовался также историей. Он написал большой 3-томный труд, изданный в 1675–1698 гг., где доказывал, будто упоминаемая Платоном Атлантида – это Швеция. В работе было немало фантастических доказательств и высокопарных восхвалений своей страны. Грот привела цитату из рюдбековской «Атлантиды», на которой, по ее мнению, основывался Байер: «Ю. Магнус в своей “Истории” неоднократно говорит, что некоторые называли остров Швеция как Вергион... Шведское море Эстершен (“Östersjön”, т.е. “Восточное море”. – Л.Г.) русские называют Варгехавет (Wargehafwet), как видно из русских записок Герберштейна (?! – Л.Г.), а шведов – варьар (Wargar), что показывает, что великокняжеское имя русской династии явилось из Швеции, когда мы туда пришли. Почему Швеция получила это имя, хорошо разъясняется О. Верелиусом в его примечании к Гервардовой саге: от великого разбоя на море, поскольку волки (Wargur) – это те, кто грабят и опустошают и на суше, и на море» (с. 172). Из приведенной Грот выдержки ясно следует, что никакой своей этимологии слова *варяг* Рюдбек не предлагал. Он сам следовал мнению О. Верелиуса, на которого и ссылался. Поэтому говорить, что свою этимологию Байер заимствовал именно у Рюдбека, а не у его предшественников или более поздних авторов, не приходится. Но далее Грот исходит из того, что трудившийся в России Байер следовал именно шведскому историку. Поскольку Рюдбек в своих писаниях проявил себя сочинителем и сверхпатриотом, то Грот оценила его очень низко. Эти отрицательные черты творчества шведского ученого XVII в. Грот распространила абсолютно на все, вышедшее из-под его пера. И если у последующих историков или лингвистов были какие-либо точки соприкосновения с Рюдбеком (рассматривались одинаковые события, назывались те же страны и народы, сходно толковались отдельные факты), то все это Грот объявляет рюдбекианизмом, преднамеренным искажением прошлого в угоду Шведскому королевству, а в самих таких ученых склонна видеть по меньшей мере «агентов влияния».

Поэтому проживший без малого весь XIX в. в России академик А.А. Куник, родившийся в России знаменитый немецкий языковед М. Фасмер, современные доктора исторических наук Е.А. Мельникова и В.Я. Петрухин названы Грот рюдбекианцами, норманистами и фальсификаторами, которые занимаются «тенденциозным передергиванием сведений из русских летописей» (с. 172). Отрицая их выводы и заключения, Грот решительно заявляет, что «в русских летописях нет никаких прямых указаний на то, что варяги – это скандинавы!» (с. 172), а далее утверждает, что нет не только прямых, но даже косвенных свидетельств об этом: «Ни малейшего намека нет об этом в приведенных летописях!» (с. 172). Однако такие оценки русских летописей летописями же и опровергаются. Например, под 1188 г. Новгородская первая летопись старшего извода, древнейшая из сохранившихся больших русских летописей, сообщает, что «рубоша новгородце Варязи на Гьтѣхъ»⁹, т.е. «ограбили новгородцев варяги на Готланде». Остров Готланд отстоит примерно на 80 км от балтийского побережья Швеции и давно освоен шведами. Его население прямо названо варягами. Немало и косвенных указаний, что жители Скандинавии назывались варягами. Когда в 1015 г. правивший в Новгороде Ярослав Мудрый отказался платить дань Киеву и потому поссорился с отцом, он, опасаясь ответных карательных действий, «посла за море, приведе Варягы»¹⁰. Из этого следует, что до варягов надо было плыть, а не ходить посуху. Три года спустя, в 1018 г. Ярослав потерпел поражение в битве на р. Западный Буг от польского короля Болеслава и своего брата Святополка. С остатком войска он примчался в Новгород и намеревался дальше «бѣжати за море» за варяжской помощью, но новгородский посадник Константин Добрынич не дал ему этого сделать, «расѣкоша лодѣ Ярославлѣ»¹¹. При описании событий 1201 г. новгородский летописец отметил, что «Варягы пустиша без мира за море»¹² (речь идет о ссоре новгородцев с торговавшими в Новгороде варяжскими купцами и высылке их на родину. – В.К.). Сама Грот в своей статье отмечает, что саамы называют норвежский залив Варангер-фьорд «Варьяг-вуода», и такое саамское название, по ее утверждению, «является явным заимствованием из русского»¹³

(с. 176). Здесь Грот столь же явно противоречит сама себе. Варангер-фьорд находится в нескольких десятках километров на северо-запад от российского города Печенга и омывает полуостров Варангер в Норвегии. Если этот фьорд на севере Европы обозначался русскими как «Варяг-вода», то это как раз и говорит о том, что варягами русские называли жителей Скандинавии, в том числе и самой северной ее части.

Л. Грот высмеивает общепризнанные суждения, что слово *варяг* первоначально обозначало военного человека, объявляя такие суждения «норманистскими», тенденциозными и противоречащими здравому смыслу. Но еще на заре столкновений русских «антинорманистов» с немецкими «норманистами» М.В. Ломоносов писал о происхождении названия *варяг*: «Неправедно рассуждает, кто варяжское имя приписывает одному народу. Многие сильные доказательства уверяют, что они от разных племен и языков состояли и только одним соединились обыкновенным тогда по морям разбоем», т.е. варягами первоначально называли пиратов¹⁴. А вот мнение по этому поводу С.А. Гедеонова, которого сама Грот считает основоположником «антинорманизма» и возносит на высокий научный пьедестал: действовавшие на Балтике пираты «вендогерманские слыли в Помории под общим названием *varag'ov* (меченосцев, разбойников)... В этом смысле – пиратов-воинов... перешло слово *varag* от балтийских славян к восточным...»¹⁵. Следовательно, о происхождении слова *varag* – *варяг* (меченосец, разбойник) Гедеонов писал то же самое, что Куник, Байер и даже (как это ни покажется невероятным для Грот) У. Рюдбек. И из поздних «антинорманистов» не он один. Редактировавший «Этимологический словарь русского языка» М. Фасмера академик О.Н. Трубачев в своем примечании к статье «Варяг» этого словаря специально отметил «неудачную попытку опровергнуть скандинавскую этимологию» данного слова профессора П.Я. Черных в 1958 г.¹⁶ Совершенно очевидно, что «скандинавскую этимологию» *варяг* из **varang-* Трубачев признавал единственно соответствующей научным данным.

Из сказанного следует, что противоречий между «норманистами» и «антинорманистами» в вопросе о происхождении слова *варяг* просто-напросто не существует. Кстати говоря, утверждение Грот, что «в норманизме слово *варяг* рассматривается изначально не как этноним. *Варяги* – это группы военных наемников, т.е. их генезис профессионально-отраслевой», свидетельствует не только о том, что в ее статье проявляется весьма смутное представление о разнице между «норманистами» и «антинорманистами», но и о том, что в ней не отличаются исследования по этимологии слов от исследований по их семантике. С точки зрения Грот слово *варяг* должно было с самого своего возникновения обозначать этнос. Увы, даже «антинорманисты» пишут совсем иначе.

Но Л. Грот указала на исследователя, которого она присоединила к «антинорманистам», но который не был согласен ни с «норманистами», ни с «антинорманистами». Речь идет об историке А.Г. Кузьмине. Не имея специальной лингвистической подготовки, Кузьмин тем не менее постарался внести свою лепту в изучение происхождения слова *варяг*. Он производил это слово от кельтского *vor*, или *mor* – «море»¹⁷, хотя в другом месте своей работы принимал трактовку кельтского *vor* как «большой», «великий», причем давал собственный комментарий к такой трактовке: «Объяснение последнего компонента весьма вероятно (*vor* – это лишь вариант *mor*)»¹⁸. Если верно последнее, то делается непонятным, почему появилось вариативное слово *варяг* (по сказанному Кузьминым должно быть *воряг*), а не основное *моряг*. Усмотрев в лексеме *варяг* некий корень, связанный со значением «море», Кузьмин постарался показать, что это закономерно, потому что варяги жили на берегу моря.

Согласно ранним историческим источникам таким морем было Варяжское. Кузьмин указал и на источник более поздний, где встречается данное название, свидетельствующий, по его мнению, о широком распространении определения *Варяжское*. Речь идет о «Записках о Московии» («Записках о московитских делах») Сигизмунда Герберштейна, посла в Москву императора Священной Римской империи Максимилиана I и эрцгерцога Фердинанда. Герберштейн побывал в Русском государстве в 1517 и в 1526 гг. В 1549 г. на латинском языке были впервые изданы его «Записки». Понятно, что речь

идет о источнике, весьма отдаленном по времени от начальных варяжско-славянских контактов. Кузьмин писал по поводу упоминания Варяжского моря С. Герберштейном следующее: «Русские летописи называют Балтийское море “Варяжским”. По сообщению Герберштейна, аналогичное название сохранялось еще и в XVI в. у балтийских славян: подобно русским московским, “русские” из северной Германии именовали море “Варецким”. У других народов оно называлось “Немецкое”, “Прусское”, “Венетское”. Этот факт не раскрывает этнической природы варягов, но он указывает на прямые связи восточных славян с балтийскими»¹⁹. В русском издании 1908 г. «Записок» Герберштейна, которым пользовался Кузьмин, действительно встречается название Балтийского моря как моря «Варецкого». Наблюдательный и обстоятельный имперский посол сообщал, что Балтийское море и залив, отделяющий немецкие земли от датских, «до сего еще удерживают у русских свое название, именуясь Варецкое (Vuaretzkoioe) море, т.е. Варяжское море»²⁰. Ни о каких «балтийских славянах» – «“русских” из Северной Германии» речи у Герберштейна не ведется, под «русскими» он понимает именно русских. В другом месте своих «Записок», пересказывая древнерусскую легенду об апостоле Андрее и описывая его путь из Греции в Рим, Герберштейн отметил, что Андрей достиг «моря, которое они (русские. – В.К.) именуют Варяжским (Vuaretzkoie)»²¹. Очевидно, что *Варецкое море* – это не какой-то особый вариант названия *Варяжское море*, бытовавший у «балтийских славян», а просто не вполне удачная запись латинскими буквами распространенного у русских названия Балтики²². Комментарий же Кузьмина – плод явного недоразумения.

Обратил А.Г. Кузьмин внимание и на статью 1201 г. новгородской летописи, где, как уже говорилось, упоминались варяги, и сделал вывод, «что только из южных областей Прибалтики они могли прийти в 1201 г. в Новгород “горою”, то есть сушей»²³. Историк основывался на заключительном известии статьи 1201 г. новгородской летописи: «А на оснь придоша Варязи горою на мирь, и даша имь мирь на всѣи воли своеи»²⁴. Замечание Кузьмина относительно того, что в 1201 г. варяги пришли в Новгород сушей («горою») вполне справедливо. Но из констатации данного факта отнюдь не следует, что они могли прийти в Новгород «только из южных областей Прибалтики». Ранее приводилось сообщение той же статьи 1201 г. о высылке варягов из Новгорода «без мира за море». Это сообщение помещено в статье 1201 г. после известия о том, что в новгородских землях «ста всѣ лѣто дъжгево», т.е. высылка имела место летом или в конце лета 1201 г. Возвращение же пожелавших примириться с новгородцами варягов произошло «на оснь», т.е. в конце лета – начале осени, очевидно, спустя совсем немного времени после их изгнания. В таком случае покинувшие Новгород варяги могли даже не отправляться к себе за море, а просто переждать смягчения политической ситуации в северных прибалтийских городах Ливонии. К этому следует добавить, что само указание на путь в Новгород «горою» в принципе не дает возможности определять места поселений самих путников, их географическую родину. В заключенном в 1323 г. Новгородом со Швецией знаменитом Ореховецком договоре, на долгое время урегулировавшем отношения сторон, помещена статья, которая гласит: «Гости гостити бес пакости изъ всеи Нѣмьцьинои землѣ: из Любка, из Готского берега, и Свѣиской землѣ по Невѣ в Новгородъ горою и водою»²⁵. Согласно этой статье, даже купцы с окруженного морем острова Готланда («Готского берега») могли добираться до Новгорода «горою», т.е. переплывая море, высаживаясь где-то в устье Невы и далее продолжая путь не только по воде, но и по суше. Очевидно, что историкам не следует утверждать, что путь «горою» до Новгорода непременно исключал путь «водою», а места временного пребывания представителей определенного этноса принимать за места постоянного обитания такого этноса.

Для доказательства расселения варягов в южной Прибалтике Кузьмин привлек один редкий и любопытный источник. Речь идет о тексте, помещенном в окончании Ермолаевского списка Ипатьевской летописи. Там сообщается об убийстве польского короля Пшемисла II и поясняется, что «бог сотворилъ отмщение ему, понеже онъ прежь же ноу свою именемъ Лукерию оудави ради другое, которая просия оу него, да въ единой

рицѣ пустить ю въ домъ: она бо бѣ рода князей Сербскихъ зъ Кашубъ, отъ Поморія Варязкаго, отъ Стараго града за Кгданскомъ»²⁶. Кузьмин так прокомментировал данное известие: «Прямое указание на “варяжское Поморье” как южный берег Балтики имеется в Ермолаевском списке Ипатьевской летописи. Говоря об убийстве польского короля “Премышлява” (Пшемисл II был убит в 1296 г.) западнорусский летописец отмечает, что король был таким образом отмщен за смерть своей первой жены Лукерьи, которая “бо бе рода князей Сербских, с Кашуб, от поморія Варязкаго, от Стараго града за Кгданском”. Запись эту норманисты игнорируют, возможно, из-за недоверия к Ермолаевскому списку как относительно позднему. Но если допустить, что обозначение Поморья как “варяжского” принадлежит переписчику XVII в., то это будет указывать на живучесть традиции, а никак не на ее отсутствие»²⁷. Как теперь выясняется, текст, представленный Ермолаевским списком начала XVIII в., был составлен между 1621 и 1651 гг. В окончании Ермолаевского списка в помете на поле, одновременной списку, есть прямая ссылка на издание 1595 г. «Польской истории» М. Бельского: «о семь Бѣлский листъ 370», а к основному тексту Ермолаевского списка, передающему в перепечатке текст Ипатьевской летописи, доводящей изложение событий русской истории до 1292 г., есть приписка, содержащая ссылку на опубликованную в 1582 г. «Хронику Польскую, Литовскую, Жмудскую и всей Руси» М. Стрыйковского: «Стрыйковский о томъ пишетъ, листъ 336»²⁸. Очевидно, что в приписках были использованы сведения не западнорусского летописца, а труды польских историков XVI в., которые о географии и народах прошлого имели иное представление, чем древнерусские летописцы XII–XIII вв. Поэтому наименование *Поморие Варязкое* нельзя относить к раннему времени. К тому же определение *Варязкое* происходит не от названия этноса *варяг, варяги*, как без каких-либо разъяснений молчаливо принимал Кузьмин, а от названия *Варяжское море*. Именно поэтому насельники «Поморія Варязкаго» названы в анализируемом источнике не варягами, а кашубами.

Неубедительна попытка Кузьмина объяснить смену раннего названия *Русское море*, упоминаемого в источниках X–XIII вв., на современное *Черное море*. По его мнению «весьма вероятно, что “Черным” море стало называться по недоразумению. В действительности оно называлось “Чермным”, то есть “Красным”. Так оно именуется еще в русских источниках XVI–XVII вв. и только с XVIII в., когда утратилось древнерусское значение слова, выпала и буква “м”, отличавшая два разных цвета. Следовательно, эквивалентом “русскому” в славянском языке было слово “красный”. Замечательным подтверждением такой этимологии является название моря в... саге “Гойдель Глас”: “скифский” период ирландской предьстории протекает у берегов Красного моря (Mara Ruad)»²⁹. Следует, однако, заметить, что наименование Черного моря Чермным не сохраняется с раннего времени «еще в русских источниках XVI–XVII вв.», а впервые появляется в них лишь в XVI в. До этого Черное море называлось у русских Евксинским понтом, Русским морем, просто морем, понтом и даже Понтийским морем³⁰. Отнюдь не в XVIII в., как утверждает Кузьмин, считающий, что слово «чермный» исчезло к тому времени из русского языка (на самом деле оно в значении «червленый, багровый, тёмнокрасный; мутного красного цвета; рыжий» зафиксировано «Толковым словарем живого великорусского языка» В.И. Даля), а в том же XVI в. вместо наименования *Чермное море* появляется название *Черное море*, которое вскоре становится единственным. Только оно в конце XVI в. было внесено в государственную географическую карту – Большой Чертеж – и отражено в составленной в 1627 г. Книге Большому Чертежу³¹. Конечно, какой-нибудь невнимательный писец, работавший в Русском государстве XVI в., мог, переписывая тексты, «потерять» букву «м» в слове *Чермное* и написать вместо него *Черное*, как, впрочем, и добавить букву «м» в слово *Черное*. Но подобными потерями или добавлениями на бумаге нельзя объяснить изменение фонетики слова, ведь его не читали, а слышали и произносили тысячи разноязычных людей, плававших по Черному морю и живших на его берегах. Они-то как все одновременно вдруг потеряли звук «м», приняв иное по своему значению определение *Черное* вместо *Чермное* («красное»)? И каким образом появившееся во второй четверти XVI в. в

русских источниках при описании всего двух исторических сюжетов название *Черное море* сумело повлиять на ирландскую сагу о далеких «скифских» временах кельтской истории, упоминающую *Mara Ruad*? Кстати говоря, в другом месте своей статьи Кузьмин, имея в виду ту же сагу «Гойдель Глас», написал, что «в ирландских сагах вспоминается о том, что их предки владели землями “Скифии” вплоть до Каспийского моря»³². Так о Черном или о Каспийском море идет речь в этой саге о всеевропейском кельтском прошлом, из которого, по Кузьмину, вышли приморские варяги?

Не будем утверждать, что все лингвистические сопоставления и объяснения Кузьмина такого же качества, что в приведенном примере. Тщательный разбор и разносторонняя оценка его изысканий в области лингвистики – дело языковедов. Но эти изыскания занимают основное по объему место в его статье «Об этнической природе варягов». В итоге он приходил к выводу, что в русском языке существует масса заимствований из кельтского языка и варягами являются кельты, а не скандинавы. «Процесс оформления древнерусской цивилизации был весьма интенсивным, и его ускорению способствовала возможность соединения опыта многих народов, издревле проживавших на территории нового государства. Определенный вклад в эту цивилизацию, по-видимому, внесли и кельты, в том числе их последняя славянизированная волна – варяги», – так заканчивал свою статью Кузьмин³³.

Если говорить о его труде в целом, то совершенно очевидно, что подчеркивание им его несогласия с «норманистами» не является главной целью написанной им работы. Суть борьбы «норманистов» с «антинорманистами» в русской исторической науке может быть сведена к тому, что в любой стране мира отличается «изоляционисты» от их оппонентов, которых условно можно назвать «глобалистами». «Изоляционисты» полагают, что их собственные страна и народ могут развиваться самостоятельно, без привлечения опыта и помощи других стран и народов; «глобалисты» признают взаимодействие стран, влияние одного народа на другой вплоть до преобразования общественного строя, изменения культуры и религиозных представлений. В истории России с момента появления отечественной исторической науки признавалась роль варягов в становлении княжеской власти, формировании ее окружения, в освоении территории, внесении в культуру некоторых обычаев. Варягов, упоминаемых уже в самых ранних древнерусских письменных памятниках, принимали сначала за финнов, затем за славян, потом за шведов, а считая шведов потомками германцев, говорили о «немецком начале» в русской истории. Это вызывало возражения со стороны «антинорманистов». Научная полемика, ведшаяся со второй трети XVIII в., существенно подпитывалась политической борьбой, которую вели «русская» и «немецкая» партии при императорском дворе за власть в стране. В годы правления Анны Иоанновны и Екатерины II благосклонно относились к ученым трудам немецких историков, писавших о древней Руси. В царствование Елизаветы Петровны выводы таких трудов замалчивались, а то и прямо запрещались и поощрялись работы русских историков, отвергавших наличие немецкого (варяжского, норманского) элемента в развитии ранней Руси. Работа Кузьмина заменяла норманов на кельтов, возрождая старые утверждения С. Шелухина³⁴, и в этом отношении она была антинорманистской, поскольку являлась прокельтской. Однако главную, основную проблему – о значении иноземного начала в русской истории – Кузьмин по сути дела решал так же, как и «норманисты». Впрочем, выявление этнического облика варягов, похоже, и не являлось главной целью разысканий Кузьмина. По ходу этих разысканий настойчиво проводилась мысль о расселении кельтов-варягов по южному побережью Балтийского моря, хотя конкретные места, которые они там занимали, не указывались. В заключении же своей работы Кузьмин делал вывод о вкладе кельтов в «оформление русской цивилизации», относя их к числу народов, «издревле проживавших на территории нового государства». Иными словами, этому государству должны были «издревле» принадлежать и земли на южной Балтике. Статья Кузьмина появилась в ноябрьском номере журнала «Вопросы истории» за 1974 г., когда шла подготовка к подписанию заключительного акта Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, состоявшемуся 30 июля – 1 августа 1975 г. в Хельсинки. В акте Сове-

щения декларировалась незыблемость европейских границ, в том числе измененных в 1945 г. границ СССР в южной Прибалтике. Своей работой Кузьмин пытался доказать давнюю принадлежность Руси земель по южному берегу Балтийского моря.

Л. Грот в работе Кузьмина привлекает прежде всего его идея о связи происхождения слова *варяг* со словом, обозначающим воду (согласно Кузьмину, это кельтское *vor*). Автор из Лулео приписывает ему толкование данного слова «через анализ древнеиндоевропейского значения корня *вар-* как вода, водная стихия, что свидетельствует о более древней дославянской природе варягов»³⁵ (с. 173), хотя толкование это принадлежит самой Грот, Кузьмин же исходил из совсем других данных. Впрочем, через несколько страниц выясняется, что тот же «водянистый» результат можно получить, изучая другие корни: «К гидронимам с корнем *вар-/вор-* можно было бы добавить еще ряд гидронимов с корнем *вер-*» (с. 182). Теперь читатели могут делать выбор при написании слова *варяг*: согласно Грот, и *вар-*, и *вер-*, *вор-* – все оказывается водой.

Другую заслугу А.Г. Кузьмина Л. Грот усматривает в том, что он обратил внимание на обитавшее на берегах Балтийского моря племя варинов. Она утверждает, что «западноевропейские источники хорошо знают этническую общность, именуемую вариными / варнами / вэрингами, тождество которых с летописными варягами в российской науке было хорошо обосновано Кузьминым. Благодаря этому Кузьмин смог ввести в отечественную науку материал, накопленный при изучении южнобалтийских варинов, и развил на этой основе этимологию имени «варяг», учитывающую, в соответствии с источниками, связь как с гидронимикой, так и с этнонимикой» (с. 174). Однако ни западноевропейские, ни какие-либо другие источники никакой этнической общности с тройным названием варины / варны / вэринги не знают. Сама Грот далее пишет, что «А.Г. Кузьмин полагал, что варины/варяги – это только географические обозначения жителей приречной или приморской полосы» (с. 178). Это разрушает как ее собственную оценку достижений Кузьмина, так и представление об этнической тождественности трех народов, живших в разные времена и на разных территориях. Что касается варинов, названных первыми в тройственной «этнической общности», то о них известно, что они представляли собой небольшое германское племя, существовавшее в I в. н.э. и населявшее южную часть Ютландского полуострова (теперь территория Дании)³⁶. Варины жили на западном и отчасти на юго-западном берегах Балтийского моря, а не на южном. Для «накопления материала» об отсутствовавших там вариных надо проявлять чудеса находчивости и изобретательности. Если Кузьмин обосновал тождество варинов с варягами, то Грот следовало бы объяснить превращение германцев в кельтов, ведь Кузьмин, как свидетельствуют приведенные выше выдержки из его статьи, идентифицировал варягов с кельтами. Но принимая варинов I в. н.э. за варягов IX в. н.э., Грот продолжает осыпать Кузьмина комплиментами: «Выявив этимологию слова *варяг* от *вар-* (вода) из древней индоевропейской традиции, Кузьмин приходит к важному выводу о том, что варины/варяги – в прямом переводе «народы моря» или «поморяне» – относились к дославянскому и догерманскому населению Южной Балтики» (с. 174). Правда, прямой перевод варины/варяги должен быть не «поморяне», а «водяные», и тогда, следуя строгой логике жительницы Лулео, их надо помещать не около моря, а в самом море, но вот утверждение Грот, что варины относились к «догерманскому населению Южной Балтики», какой-либо логикой объяснить трудно. Тацит прямо и недвусмысленно называет варинов германским, а не догерманским племенем. «Представленные выше работы Кузьмина, – подводит итог Грот, – продолжают традицию В.Н. Татищева, М.В. Ломоносова, С.А. Гедеонова» (с. 175). Под пером Грот традиция обретает долговременность, основательность и безусловную верность выводов. Но так ли это? В главе «Варяги, какой народ и где был» первого тома «Истории российской» Татищев писал, что «подлинное ж пришествие их является из Финляндии от королей или князей финляндских, и сусче, мнится, от блиско сродных к Узону королю 14-му, потому что финны руссами, или чермными, назваться могут»³⁷. Иначе характеризовал варягов (варягов-россов) М.В. Ломоносов: «Итак, когда древний язык варягов-россов один с прусским, литовским, курляндским или летским, то, конечно, происшествие и

начало свое имел от славянского как его отрасль»³⁸. Следовательно, Ломоносов признавал варягов, действовавших на Руси, потомками славян, хотя их язык относил к языкам балтов. Геденов видел в варягах вендов. Кузьмин прямо заявлял, что варяги – это кельты. Все четыре автора, названные Грот, совершенно по-разному определяли этническое лицо варягов. Где уж тут говорить о «традиции»! Грот не слишком внимательно изучила труды ученых, фамилии которых она назвала.

Буквально вслед за страницей, где говорится о важном выводе Кузьмина относительно варяжского населения Южной Балтики, существовавшего еще до славян и до германцев, Грот признается пораженным читателям, что «с мыслью Кузьмина о южнобалтийском Поморье как исконной родине варягов я согласиться не могла. В обоснование этого представлю первые результаты моих исследований о варягах Русского Севера и Северного Поволжья» (с. 175). Но если следует отказ от ранее сказанного, то его необходимо строго обосновать, привести доказательства ошибочности чужих или собственных прежних суждений. Этого в работе Грот нет. Зато жирной чертой перечеркивается самое главное в построениях Кузьмина – выводы о обитании варягов на южном побережье Балтийского моря, и это при том, что не страницами, а всего лишь несколькими строчками выше все использованные им исторические свидетельства, все его ученые приемы признаются совершенно правильными, убедительными и традиционными. Последовательности в таких действиях у Грот обнаружить не удастся.

Как же Л. Грот доказывает существование исконной родины варягов на Русском Севере, а заодно и в неожиданно присоединяемом к нему северном Поволжье? «За точку отсчета в своих рассуждениях, – пишет Грот, – я приняла данные об этнообразующем корне *вар-* как древнейшем индоевропейском обозначении для водной стихии» (с. 176). Мысль, что при своем возникновении слово сохраняет одно и то же значение на протяжении нескольких тысячелетий, не покидает Грот. Возникает и иное соображение: если в названии этноса присутствует компонент *вар-*, то этот этнос говорил на индоевропейском языке. Поэтому варяги объявляются носителями «древнего индоевропейского языка» (с. 177). При этом даже не рассматривается возможность того, что варяги могли получить свое название от другого народа или народов. Причина ясна: стоит напомнить о подобном, и тогда утверждение относительно знания варягами индоевропейского языка превращается в фантазию.

И все же варяги – явление стародавнее, и Грот ставит в своей статье вопрос относительно их современных потомков. По ее мысли, если в названии варяг содержится, как уже говорилось, корень *вар-*, то варяги все время своего существования должны были жить у моря. Но тогда, по логике Грот, и их потомки должны жить у моря. А кто живет на Русском Севере у моря? На взгляд Грот – исключительно поморы. «Поморы, – утверждает Грот, – как особое имя, практически эквивалентное этнониму, известно только на Русском Севере» (с. 178). Но определения населения по месту проживания и по этническим признакам – вещи разные. К тому же поморы и помории, как места их обитания, известны не только на Русском Севере. «Помория Турьска и Сидоньска» упоминается в евангелии. «Слово о полку Игореве» называет Поморием территорию близ Азовского и Черного морей. Афанасий Никитин жителей африканского и индийского берегов Индийского океана определял как «помория Индийская и Ефиопская»³⁹. Наконец, в переделке Повести временных лет, сохраненной Летописцем Переяславля Суздальского, заканчивающимся описанием событий 1216 г., говорится, что «словѣни же инии, пробѣгше, сѣдоша на Вислѣ и прозвашася ляхове, потом прозвашася поляне, друзии же лютичи, инии мазовшане, инии поморяне»⁴⁰. Таким образом, Поморием назывались морские побережья, причем в раннее время главным образом на юге, а не на севере. Жители Поморий именовались поморянами, а обобщенно – помориями. Такие определения не указывали на этнос. Принадлежность поморян к какому-либо этносу определялась дополнительными характеристиками: помории индийские, эфиопские, поморяне славянские.

Что касается северных поморов, то поморянами, поморцами их начинают именовать в источниках только с XVI в., хотя Поморье как северный регион, принадлежащий

Новгороду Великому, упоминается раньше, во второй половине XV в.⁴¹ Есть грамоты, в которых фигурируют отдельные поморы. Так, сохранилась грамота 1565 г. царя Ивана IV, пожаловавшего «поморянина Ивашка Семенова сына Ондронова» местом «у Лопского Креста по морскому берегу»⁴², видимо, у места, где были тони лопарей (саамов), что свидетельствует о проживании у моря не одних поморов, как получается у Грот, но и саамов. Имя у поморянина грамоты 1565 г. типично русское, без следов объявленного Грот индоевропейским «поморского языка». Это неудивительно, потому что поморы и были русскими. Они являются потомками новгородцев, которые, как давно установлено наукой, в XI в. начали осваивать территории, прилегавшие к Белому морю⁴³. Все эти достаточно известные факты, к сожалению, оставлены Грот без внимания.

Тем не менее свои представления Грот пытается обосновать не только рассуждениями общего характера, но и фактическим материалом. Свое путешествие по северным гидронимам и топонимам она с севера и начинает: «Начну с самой западной точки области, окаймленной гидронимами с корнем *вар-*. Это известный Варангер-фьорд (Varangerfjord) / Варяжский залив / Варенгская губа в Баренцевом море. Большая часть этого залива находится на территории Норвегии. Идя к востоку от него, можно назвать реку Варз в бывшем Мурманском уезде Архангельской губ., реку Варзугу – там же, реку Варзугу в бывшем Пинежском уезде Архангельской губ., реку Варзенка в бывшем Сольвычегодском уезде Архангельской губ.» (с. 178). От Варангер-фьорда Грот отправляется на восток, к саамам Российской Федерации. Запад ее не интересует, хотя там проживает подавляющее большинство саамов, сохраняющих свое название рек, озер, возвышенностей, населенных пунктов. Но эти названия Грот не только не рассматривает, она их даже не упоминает. Это сразу превращает картину, рисуемую ею, в неполную, потому что на западе в Скандинавии обнаруживаются такие названия, как, например, Варде в Дании и Норвегии, Вара, Варкаус, Варберг, Варде-О. Их внешнее сходство не обязательно указывает на их общее происхождение, но оставлять без анализа подобные названия нельзя. Из восточных же гидронимов Грот выбирает те, которые имеют формант *вар-*. При этом не устанавливается, к каким языкам такие речные названия относятся: к языкам индоевропейским или к языкам уральским. К тому же из заимствованных Грот примеров из книги Н.Р. Гусевой видно, что все эти гидронимы имеют основу не *вар-*, а *варз-*. Наличие здесь «з» в статье Грот не объясняется. Совершенно не обсуждается утверждение Гусевой, что названия рек с формантом *варз-* связаны с санскритским *varh* («светиться»)⁴⁴.

Кроме стремления найти формант *вар-* в гидронимах Русского Севера, Грот ищет его и в других топонимических названиях. Делает она это следующим образом: «В книге А.А. Минкина о топонимии Кольского полуострова разъясняется, что слово “варака” означает скалу или гору у русских (не выделяя, что это слово поморское, согласно словарю В. Даля) и происходит от саамского “варрь”, “варрэ”, “варь” с уменьшительной формой “варенч”, “варай”, “варыш”; у финнов это же слово существует в форме “вара”. Я отобрала из монографии А.А. Минкина несколько топонимов, которые содержат поморскую “варака” и саамские “варь”, “варрэ”, “варенч”. Это сопка Поравараккой, где первый компонент, согласно автору, саамский и означает “овод”, а второй – вариант поморской “вараки”. Далее, на берегу реки Чун указана сопка Куайвесварь, название которой А.А. Минкин переводит как “Варака, где олени копали ягель из-под снега”, где компонент “варь” принадлежит саамскому языку. На левом берегу реки Туломы есть гора под названием Соколя варака – русское название с сохранением поморского обозначения для второй части топонима. Около Кислой губы озера Имандра стоит гора Лайтратенваренч, название которой у А.А. Минкина звучит как “Гора, где делали доски для лодок”. На берегу губы Кислой озера Большая Имандра стоит гора Пяссваренч, что толкуется с саамского как “Березовая варака”. У подножия этой вараки в реку Курковую впадает ручей Пяссварьвуой, который переводится на русский язык как “ручей Берестяной вараки” или “ручей Березовой вараки”» (с. 180). Это редкое место в статье Грот, где приводятся не отвлеченные рассуждения, а конкретные данные,

извлеченные самой Грот из работ других авторов. Как же такие данные анализируются и какие заключения из их анализа делаются?

Работа Минкина, которой воспользовалась Грот, сама по себе неплохая, но она написана не ученым, а популяризатором. Для научных исследований такая работа непригодна. Минкин отобрал несколько топонимов Мурманской обл. в качестве иллюстраций к нужным ему сюжетам и рассказал о происхождении их названий, не указывая, лица одного или нескольких этносов сохраняют в своих языках такие названия, в каких местах названия сосредоточены, в каких количествах и т.п. Грот в своей статье сделала выборку топонимов из выборки Минкина. Выбранными оказались 6 топонимов: Куай-весьварь, Лайтратенваренч, Пяссваренч, Пяссварьвуой, Пораваракой и Соколя варака. Следует вывод Грот: «Из приведенных примеров видно, что поморская *варака* и саамские *варь/варенч* на равных участвуют в образовании топонимов, относимых к саамскому языку» (с. 180). Однако ни о какой репрезентативности примеров, приведенных Грот, речи идти не может. Выборка слишком мала. Но даже из нее видно, что при существующем соотношении формантов (4 *вар-* и 2 *варак-*) об их равенстве в словообразовательном процессе говорить не приходится, тем более что топоним «Соколя варака» нельзя относить к саамскому языку. Важно также подчеркнуть, что северные топонимы с формантом *вар-* Грот извлекает не из индоевропейских, а из уральских языков, где *вар-* означает не «вода», а «гора».

Показательны также попутные замечания, сделанные Грот при пересказе материалов Минкина. Во-первых, она упрекнула Минкина за то, что он не выделил слово «варака» как поморское, на что указал В.И. Даль. Далее, уже опираясь на авторитет Даля, Грот стала характеризовать «вараку» в качестве поморского слова и даже нашла, что топоним «Соколя варака» (не забудем, что он «саамский») – «русское название с сохранением поморского обозначения для второй части топонима». Таким образом, делается попытка разделить русский и поморский языки. Но если они разные, то Грот следовало бы указать, как на поморский язык переводится русское слово «Соколя», что могло бы продемонстрировать читателям существование и принципиальную разницу двух языков. Однако в статье Грот этого нет. Зато там обнаруживается явное искажение свидетельства Даля. У последнего напечатано: «Варака ж. *арх.* крутой каменный берег, утес, береговая скала»⁴⁵, т.е. это слово встречается в Архангельской губернии. Никаких указаний на то, что слово «варака» поморское, у Даля нет. Это утверждение самой Грот, которую не смущает то обстоятельство, что значение слова «варака» она заимствует из «Толкового словаря живого великорусского языка», а не из «Толкового словаря живого великопоморского языка». Искажение преследует определенные цели. Грот уверяет читателей, «что использование поморского *варака* в саамских топонимах говорит о том, что слово “варака” должно было быть более древним, первичным по отношению к саамскому языку, иначе его присутствие сложно объяснить в означенном топонимическом комплексе» (с. 181). Но именно в саамских топонимах формант *варак-* не употребляется, там присутствует формант *вар-*. Никаких лингвистических показаний о старшинстве форманта *варак-* нет. Исторические данные говорят о его вторичном происхождении. Он составлен из саамского слова *варр* («гора») и русского (общеславянского) суффикса *-ак*. Утверждения обратного не имеют никакой фактической, следовательно, научной основы.

Некоторые конкретные данные Л. Грот извлекает из работы В.Н. Топорова и О.Н. Трубочева «Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья», вышедшей в свет в 1962 г. Это действительно важное исследование, но Грот использует его, не оценивая значимости собранного в нем материала, примененных методических приемов и сделанных выводов. Так, в разделе «примеры интересующих нас гидронимов с корнем *вар-*» своей статьи она привела один из книги Топорова и Трубочева: «**Варлынка** п. п. Пони, п. п. Березины, ср. Ворлынка, Ворлянка на Друти, из балт. ср. *Varlinis* река, Варлупя, др.-прусск. *Worlyne*, ср. лит. *varle* – лягушка» (см. с. 181). Из данного примера видно, что гидроним с *вар-*, вопреки Грот, совсем не означает индоевропейскую «водную стихию». Он образовался от основы *варл-* и определяет реку

как «Лягушачья». Серьезные лингвисты строго различают объект (в данном случае река) и название объекта. В статье же Грот объект отождествляется с его названием и делается попытка доказать, будто название с формантом *var-* всегда означает воду, затем с воды этот формант переносится на людей, тем самым определяя их этническую принадлежность во времена, когда до появления европейских этносов оставались тысячи лет. Все это противоречит имеющимся фактам и выводам, сделанным из их анализа современной наукой.

Другим материалом, использованным Грот, являются археологические данные, которые она расценивает как оставленные древним индоевропейским населением Восточной Европы. Речь идет о находках в районе «Прикамья и Приуралья – восточного региона территории, окаймляемой с севера и юга плотным скоплением гидронимов с корнем *var-*» (с. 182). Следует напомнить, что Грот конкретно сумела указать 6 гидронимов на *var-* (на самом деле на *varz-*) в пределах бывшей Архангельской губернии, затем еще 8 гидронимов на *var-* в прежних Вологодской, Владимирской, Новгородской, Олонецкой губерниях; 6 гидронимов на *var-* (все они саамские) в пределах современной Мурманской обл. и 15 гидронимов на *var-* в бассейне Верхнего Днепра. «Плотность скопления» оказывается мнимой. Но главное возражение вызывает утверждение, что эта «плотность» «с севера и юга» окаймляет район «Прикамья и Приуралья». До сих пор об этом не знали. Истину открыла Грот. При таком открытии остается только возмущаться современными картографами, которые и по сей день рисуют на своих картах верховья Днепра, Новгород Великий на запад от Прикамья и Приуралья, а Кольский полуостров – на северо-запад, причем на расстояния в полторы тысячи километров.

Используя статью Р.Д. и Е.В. Голдиных вплоть до переписывания их ссылок на научную литературу⁴⁶, Грот попыталась нарисовать связи древней Перми с другими регионами от VIII в. до н.э. по IX в. н.э. Связи эти действительно неординарные. К местным насельникам в разные века до н.э. поступало оружие с Северного Кавказа, привозились изделия из древнего Египта и древней Греции, медные римские кастрюли, а в III–VII вв. н.э. – ближневосточные бусы, провинциальные римские фибулы, украшения и посуда из серебра из сасанидской Персии, Средней Азии, Хорезма и Византии, раковины моллюсков, обитавших в тропических водах Индийского и Тихого океанов, и многое другое. Грот привела заключение специалистов, исследовавших найденные при археологических раскопках перечисленные выше предметы: «из весьма отдаленных областей купцами поставлялись сюда крупные партии дорогих товаров...» (с. 183). Откуда такое обилие разнообразных и дорогих предметов в труднодоступной части Восточной Европы? Оказывается, Пермская земля с глубокой древности славилась добывавшейся здесь ценной пушшиной, а также медом и воском⁴⁷. Этим она и привлекала иноземных купцов. Наряду с пушшиной вывозились и предметы, изготовленные в пермских землях, в частности, так называемые неволинские пояса, экземпляры которых находят в Сибири близ Томска, а также в скандинавских странах. Последнее обстоятельство Грот прокомментировала следующим образом: «Появление здесь поясов неволинского типа объясняется развитием торговой деятельности купцов из Прикамья, освоивших торговые пути на Балтику на рубеже VII–VIII вв.» (с. 183). А что же странноватые и недалекие торговцы из отдаленных стран, которые не эпизодически появлялись в Перми, а в течение достаточно длительного времени поставляли туда дорогие товары, да еще крупными партиями? С облегчением избавлялись от привезенных товаров и с пустыми руками возвращались домой? Сначала Грот принимает мнение специалистов и даже приводит его, а затем пишет нечто совершенно противоположное выводам ученых.

Особое представление о прошлом заставляет Грот ставить новые вопросы и давать новые, казалось бы, логичные объяснения. Как добирались из Прикамья на Балтику? В представлении Грот единственными «транспортными артериями в Восточной Европе служили реки и речные системы» (с. 183). Воздушных путей тогда не было, а заодно, согласно Грот, и сухопутных. Только по каким рекам попали через Уральские горы неволинские пояса в Сибирь? Не останавливаясь на таких мелочах, Грот следует

дальше. Если все-таки плавали по «речным системам», то кто мог хорошо знать водные «транспортные артерии»? И здесь все ясно: «только местные народы, жившие по этим рекам из поколения в поколение и накопившие благодаря этому знания о восточноевропейской гидросистеме, об особенностях режима рек, об оптимальных маршрутах, могли быть пользователями речных систем в качестве транспортных магистралей» (с. 183). К сожалению, не могли. Не следует в далекое прошлое переносить современные представления о режимах рек и оптимальных маршрутах. Плавать по гидросистеме древним корабельщикам помешали бы жившие по берегам рек другие, нередко враждебные племена, говорившие на иных языках и хотя бы по этой причине «об особенностях режима» хранивших полное молчание. По подобным сюжетам есть источники и специальные исследования. Но исходя из своего, как ей представляется, единственно возможного объяснения, Грот указывает, что для плаваний «требовалось наличие высокоразвитого судоходства – речного и морского» (с. 184). Поэтому возникает новый вопрос: «Кто, какой народ обладал в этом регионе (имеется в виду Восточная Европа. – В.К.) такой судоходной традицией, идущей из глубины времен?» (с. 184). Ответ у Грот напрашивается сам собой: стоит нам посмотреть «у какого восточноевропейского народа традиции древнего морского и речного судоходства сохранялись дольше всего, и мы опять придем к поморам» (с. 184). Но, например, по Черному морю население Восточной Европы плавало много раньше, чем по Белому. Археологи находят древние суда, затонувшие у северных берегов Черного моря близ городов – греческих колоний, возникших в VII–VI вв. до н.э., из которых, как упоминает сама Грот, доставлялись товары в Пермь. Много позже византийский император Константин Багрянородный подробно описал строительство и разнообразное оснащение кораблей в Новгород, Смоленске, Киеве и других древнерусских городах⁴⁸. О тысячах кораблей, на которых приплывала в IX–XI вв. н.э. воинственная русь к Константинополю, сообщают византийские и древнерусские источники. И что же, такие флотилии создавались исключительно на верфях Кольского полуострова?

Непротиворечивость суждений – одно из обязательных требований, предъявляемых к авторам научных трудов. Но в статье о праиндоевропейском населении Русского Севера, с одной стороны, утверждается, что земля поморов «отмечена топонимией с корнем *вар-*», они живут там, где территория характеризуется «плотным скоплением гидронимов с корнем *вар-*». С другой стороны, в районе Прикамья и Приуралья таких топонимов и гидронимов, согласно самой Грот, нет. Но именно там она находит отважных рекоходов и мореходов, которые «на протяжении более полутора тысяч лет» или даже «на протяжении тысячелетий» (Грот чуть-чуть колеблется в определении временных периодов) осуществляли торговые связи «от Приуралья до Египта, Византии, Тихого и Индийского океанов», а потому были варягами-поморами⁴⁹ (с. 184). Следовательно, есть ли корень *вар-*, нет ли корня *вар-*, не это решает коренную проблему, которую поставила перед собой Грот – обоснование «дославянского периода в русской истории, сложившегося в лоне архаичных индоевропейцев Восточной Европы». Выясняется, что существование такого периода вообще обосновывать не надо. Как не нужно Грот доказывать и индоевропейское происхождение предков пермяков, которые на самом деле представляли собой совсем иной этнос.

По большому недоразумению (если, впрочем, не подозревать какого-то тонкого умысла) Грот старается представить северных поморов как отдельный народ со своим особым языком, восходящим непосредственно к индоевропейскому, с незапамятных времен населявший весь Русский Север еще до прихода туда уралоязычных племен и называвшийся варягами. Это, конечно, нонсенс. Но для появившихся после распада СССР на Русском Севере изоляционистов, стремящихся не к теоретическим дискуссиям, а к практическим действиям, сочинение из Лулео – манна небесная, позволяющая говорить о данных науки. Увы, науки здесь нет. Есть игра в прошлое, которая возникла давно и в наше время приобретает, к сожалению, все большие масштабы. По-английски она называется *fantasy* и довольно привлекательна, когда предстает в виде художественных произведений. Знакомая с приключениями проворного янки, сумевшего

проникнуть в другое тысячелетие и оказаться при дворе короля Артура, можно забавляться и улыбаться. А как быть, если *fantasy* принимает облик ученого сочинения и претендует не на игру, а на некий реальный вклад в науку о прошлом? По-видимому, относиться к таким произведениям тоже с чувством юмора. Тем более что в индоевропейском языке при его возникновении «вода» обозначалась словом не *var*, а **uet'/*ut'*, где «и» произносилось очень кратко⁵⁰, а потому со временем перешло в *v* (*vet-*), откуда в конечном итоге и произошли английское *water*, немецкое *Wasser* и русское *вода*, которая и стала строительным материалом концепции о праиндоевропейских корнях населения Русского Севера.

Примечания

¹ ПСРЛ. Т. I. Л., 1926–1928. Стб. 25–26.

² Там же. Стб. 12.

³ Геденов С.А. Варяги и Русь. М., 2004. С. 289.

⁴ Седов В.В. Происхождение и ранняя история славян. М., 1979. С. 51.

⁵ ПСРЛ. Т. I. Стб. 4. В статье Л. Грот цитата приведена в усеченном виде и с пропусками.

⁶ Корнелий Тацит. Сочинения в двух томах. Т. I. Л., 1969. С. 372 (*Germania*, XLV).

⁷ Топоров В.Н., Трубачев О.Н. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М., 1962.

⁸ ПСРЛ. Т. XL. СПб. 2003. С. 12. Согласно Библии, Мосох был сыном Яфета и внуком Ноя (Книга Бытия, X, 2).

⁹ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред. и с предисл. А.Н. Насонова. М.; Л., 1950 (далее – НПЛ). С. 39.

¹⁰ Там же. С. 168.

¹¹ ПСРЛ. Т. I. Стб. 143.

¹² НПЛ. С. 45.

¹³ Впрочем, далее на с. 179 Грот утверждает, что «саамское название “Варьяг-вуода” явно заимствовано из поморской традиции». Очевидно, что речь идет о поморском языке, который Грот называет «традицией». Этот язык Грот резко отделяет от русского и объявляет особым архаичным индоевропейским языком.

¹⁴ Ломоносов М.В. Древняя российская история // Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений. Т. VI. М.; Л., 1952. С. 203.

¹⁵ Геденов С.А. Указ. соч. С. 160.

¹⁶ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. I. М., 1964. С. 276.

¹⁷ Кузьмин А.Г. Об этнической природе варягов (к постановке проблемы) // Вопросы истории. 1974. № 11. С. 65.

¹⁸ Там же. С. 77.

¹⁹ Там же. С. 56.

²⁰ Герберштейн С. Записки о московитских делах. Павел Иовий Новокомский. Книга о московитском посольстве. СПб., 1908. С. 4.

²¹ Там же. С. 40.

²² В современном издании «Записок» С. Герберштейна данное место с учетом не только латинского издания «Записок» 1549 г., но и немецкого издания 1557 г. переведено точнее: море и залив «сохранили в русском языке название “Варяжское море”, т.е. “море варягов”» (Герберштейн С. Записки о Московии. Т. I. М., 2008. С. 45).

²³ Кузьмин А.Г. Указ. соч. С. 58.

²⁴ НПЛ. С. 45.

²⁵ Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949. С. 68.

²⁶ ПСРЛ. Т. II. СПб., 1908. Приложение, с. 81.

²⁷ Кузьмин А.Г. Указ. соч. С. 57–58. Кузьмин цитировал текст Ермолаевского списка Ипатьевской летописи по не вполне точному изданию 1843 г. (Там же. С. 57, примеч. 20).

²⁸ ПСРЛ. Т. II. Приложение, с. 81 и с. 83, приписка к тексту на стб. 859.

²⁹ Кузьмин А.Г. Указ. соч. С. 67–68.

³⁰ См. соответствующие статьи в кн.: Указатель к первым восьми томам Полного собрания русских летописей. Отдел второй. Указатель географический. СПб., 1907.

³¹ Книга Большому Чертежу. М. Л., 1950. С. 3–5, 49, 50, 87, 88, 92, 96, 111–113, 146, 147, 174, 182.

³² Кузьмин А.Г. Указ. соч. С. 62.

³³ Там же. С. 83.

³⁴ Шелухин С. Звідкіля походить Русь. Прага, 1929.

³⁵ Если характеристика работы А.Г. Кузьмина дана Л. Грот верно, то становится непонятно, почему Грот сообщает о том, что о значении слова *вар-* она узнала от своей знакомой, а не из работы Кузьмина, опубликованной еще в 1974 г.

³⁶ Корнелий Тацит. Сочинения в двух томах. Т. I. С. 370 (Germania, XL).

³⁷ Татищев В.Н. История Российская. Т. I. М.; Л., 1962. С. 291.

³⁸ Ломоносов М.В. Указ. соч. С. 209.

³⁹ Хождение за три моря Афанасия Никитина. Л., 1986. С. 16.

⁴⁰ ПСРЛ. Т. XLI. М., 1995. С. 3.

⁴¹ Грамоты Великого Новгорода и Пскова. № 296. С. 295. О датировке грамоты см.: Янин В.Л. Новгородские акты XII–XV вв. Хронологический комментарий. М., 1991. С. 253–254.

⁴² Акты социально-экономической истории Севера России конца XV–XVI в. Акты Соловецкого монастыря 1479–1571 гг. Л., 1988, № 278. С. 183.

⁴³ Насонов А.Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М., 1951. С. 104–105.

⁴⁴ Гусева Н.Р. Славяне и арьи. Путь богов и слов. М., 2002. С. 313.

⁴⁵ Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I. СПб.; М., 1880. С. 164.

⁴⁶ Голдина Р.Д., Голдина Е.В. Скандинавия и Верхнее Прикамье: контакты во второй половине I тыс. н.э. // Шведы и Русский Север. Киров. 1997. Ссылки под номерами 80, 82, 83, 86, 87, 88, 90, 92, 94, 95, 97 статьи Грот на научные труды повторяют ссылки работы Р.Д. и Е.В. Голдиных (см. их статью, с. 21–23).

⁴⁷ Голдина Р.Д., Голдина Е.В. Указ. соч. С. 5, 9.

⁴⁸ Константин Багрянородный. Об управлении империей. М., 1989. С. 45–51.

⁴⁹ Это положение Грот доказывает следующим рассуждением: «Но прямыми наследниками чьей древней традиции морского и речного судоходства являются поморы Русского Севера, земля которых отмечена топонимией с корнем *вар-*, воплощающим связь с водной стихией? В рамках рабочей гипотезы я предлагаю свой вариант ответа: поморы Русского Севера являются потомками древних *варягов*, в которых следует видеть и часть древнерусских дославянских предков, издревле владевших речным и морским судоходством в Восточной Европе» (с. 184). «Вариант ответа» прямо противоречит утверждению Р.Д. и Е.В. Голдиных о том, что археологические культуры I тыс. н.э. Прикамья и Приуралья, которые Грот представила как индоевропейские, принадлежали финно-уграм (Голдина Р.Д., Голдина Е.В. Указ. соч. С. 5).

⁵⁰ Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч.Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. Т. II. Тбилиси, 1984. Гл. 5, § 3 «обозначения “водных объектов”». С. 671.